

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Бирюкова Надежда Андреевна

**Феномен «ресурсного национализма»
на примере энергетической политики США**

Специальность 5.5.4. Международные отношения,
глобальные и региональные исследования

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Москва – 2024

Работа выполнена на кафедре международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова.

Научный руководитель – **Фененко Алексей Валериевич** –
доктор политических наук

Официальные оппоненты – **Алексеева Татьяна Александровна** –
*доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой политической теории
факультета управления и политики
Московского государственного института международных
отношений (университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации*

Прохоренко Ирина Львовна –
*доктор политических наук,
заведующий сектором международных организаций и
глобального политического регулирования
Национального исследовательского института мировой
экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова
Российской академии наук*

Шариков Павел Александрович –
*кандидат политических наук,
ведущий научный сотрудник Отдела исследований
Европейской интеграции Института Европы
Российской академии наук*

Защита диссертации состоится 14 мая 2024 г. в 15 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова МГУ.055.3 по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, МГУ, корпус «Шуваловский», ауд. Г-630.

E-mail: dissovet.msu@mail.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27), а также на сайте: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/2967>

Автореферат разослан «__» апреля 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета МГУ.055.3,
кандидат политических наук

О.В. Столетов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Начало XXI века стало временем экономического подъема развивающихся государств. В этот период происходит расширение практики государственного вмешательства в управление национальными природными ресурсами и пересмотр условий участия иностранных компаний в их разработке. Так, например, к середине 2000-х гг. нефтедобывающие страны с развивающейся экономикой контролировали 77–90 % мировых запасов нефти, а возможности доступа международных нефтяных компаний (например, BP, Chevron, ExxonMobil, Royal Dutch Shell, Total) к их месторождениям оказались существенно осложнены принятыми ими регуляторными ограничениями¹.

Корректировка подходов к эксплуатации минеральных ресурсов в странах с развивающейся экономикой стимулировала политологов и экономистов вновь обратить внимание на феномен «ресурсного национализма», ранее наиболее ярко проявившийся в 1970-е гг. в результате волны национализаций нефтяной промышленности на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и Северной Африке. После этого «ресурсный национализм» был определен исследователями как политика стран-экспортеров нефти, направленная на максимизацию эффективности добывающих отраслей промышленности путем пересмотра условий деятельности иностранных компаний². Доктор экономических наук, профессор Кондратьев В.Б. понимает под ресурсным национализмом государственную политику, которая «стремится направить экономическую активность в добывающих и энергетических отраслях для выполнения определенных национальных целей»³. Обе отрасли являются основой энергетической политики любого государства, которую Жизнин С.З., крупнейший в России специалист по проблемам внешней энергетической политики и дипломатии, определяет как «внутриполитическую и

¹ Vivoda V. Resource Nationalism, Bargaining and International Oil Companies: Challenges and Change in the New Millennium // *New Political Economy*. – 2009. – Vol. 14. – № 4. – P. 525-527.

² Park T.W., Ward M.D. Petroleum-related Foreign Policy: Analytic and Empirical Analyses of Iranian and Saudi Behavior // *The Journal of Conflict Resolution*. – 1979. – Vol. 23. – № 3. – P. 481-512.

³ Кондратьев В.Б. Ресурсный национализм // *Горная промышленность*. – 2017. – № 5. – С. 8.

внешнеполитическую сферу деятельности государства, связанную с обеспечением национальной энергетической безопасности»⁴. Таким образом, ресурсный национализм зачастую проявляется именно в энергетической политике государств.

С точки зрения международной безопасности возрождение ресурсного национализма в начале XXI века выступает дестабилизирующим фактором в международных отношениях, повышая вероятность конфликтов между государствами⁵. Рассматриваемый как «игра с нулевой суммой», ресурсный национализм обостряет конкуренцию между странами за природные ресурсы, становясь детерминантой внутривнутриполитических и международных кризисов (например, гражданская война в Судане 1983-2005 гг., война в Персидском заливе 1990–1991 гг.)⁶. Кроме того, борьба ресурсно-дефицитных стран за доступ к месторождениям полезных ископаемых может вести к милитаризации внешней политики государств (например, гонка морских вооружений стран Юго-Восточной Азии в результате оспаривания ими месторождений углеводородов в Южно-Китайском море)⁷.

Среди западных исследователей доминирует мнение, что политика ресурсного национализма стран-экспортеров природных ресурсов представляет вызов для энергетической безопасности стран-импортеров⁸. Считается, что такая политика препятствует свободной торговле минеральным сырьем, создает политические риски надежного энергоснабжения потребителей⁹. Сталкиваясь с ресурсным национализмом государств-экспортеров, страны-импортеры корректируют свою энергетическую политику с целью диверсификации источников сырья. Эти страны

⁴ Жизнин С.З. Энергетическая дипломатия России: экономика, политика, практика. – М.: ООО «Ист Брук», 2005. – С. 64.

⁵ Rutland P. Resource nationalism: risks and rewards // Handbook of Economic Nationalism / Ed. by A. Pickel. Edward Elgar Publishing, 2022. – P. 129.

⁶ Renner M. The anatomy of resource wars. Worldwatch paper 162, 2002. – P. 6.

⁷ O'Sullivan M. The entanglement of energy, grand strategy, and international security // The handbook of global energy policy. Ed. by A. Goldthau. Wiley-Blackwell, 2013. – P. 30-48.

⁸ Wilson J. The resource nationalist challenge to global energy governance // Handbook of International Political Economy of Energy and Natural Resources. Ed. by A. Goldthau, M. Keating, C. Kuzemko. Edward Elgar Publishing, 2018. – P. 50-61.

⁹ Bremmer I., Johnston R. The rise and fall of resource nationalism // Survival: Global Politics and Strategy. – 2009. – Vol. 51. – № 2. – P. 149-158.

также могут прибегать к дискриминационным экономическим практикам (например, санкции) с целью склонения правительств стран-экспортеров к пересмотру их внутренней и внешней политики. Наглядным примером такого подхода выступает заморозка счетов российских нефтегазовых компаний в европейских банках, а также введение США и Европейским союзом (ЕС) «потолка цен» на российскую нефть в 2022 году в рамках противостояния с Россией из-за проведения ею специальной военной операции на Украине.

Неприятие гегемонии коллективного Запада, которое демонстрируют страны, разделяющие принципы многополярного мира и права на самостоятельный выбор пути развития, позволяет предположить, что политика ресурсного национализма получит еще большее распространение в XXI веке. В то же время ресурсный национализм также присутствует в политике либерально-демократических стран с рыночной экономикой (государства-члены Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)), в особенности Соединенных Штатов Америки. Несмотря на то, что технологический и природно-ресурсный потенциал США является фактором стратегического планирования других участников системы международных отношений, американский кейс в научной литературе изучен недостаточно. По этой причине проявления ресурсного национализма в энергетической политике США стали предметом данного диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы исследования. В зарубежном научном сообществе проблеме ресурсного национализма посвящено много работ, в то же время она пока не привлекает большого внимания российских ученых. Можно условно разделить научную литературу, которая легла в основу данного исследования, на четыре группы.

К **первой группе** относятся труды, посвященные непосредственно феномену «ресурсного национализма». Большинство работ написаны в духе либерализма и рассматривают ресурсный национализм как вызов западной либерально-

демократической модели развития и режиму свободной торговли. В исследованиях 1970-х гг. ученые пытались определить экономические причины и закономерности ресурсного национализма в политике нефтедобывающих стран (Р. Вернон¹⁰, Э. Уилсон¹¹). Возрождение ресурсного национализма в 2000-е гг. способствовало появлению работ, в которых анализировались политические детерминанты данного явления (И. Бреммер¹², Дж. Уилсон¹³).

Критическому осмыслению традиционные взгляды на ресурсный национализм как на «игру с нулевой суммой» подвергли Дж. Чайлдс¹⁴, Н. Кох и Т. Перро¹⁵, Э. Арбатли¹⁶. С. Прайк¹⁷ призывает к «нормализации» политики ресурсного национализма, так как такую практику проводят практически все государства, владеющие энергоресурсами и добывающие их.

Отдельно стоит сказать о публикациях, посвященных страновым кейсам. В них в основном рассматриваются страны глобального Юга (Дж. Уилсон¹⁸, К. Янг¹⁹, Ф. Мональди²⁰), а государствам глобального Севера посвящены лишь несколько работ (С. Хаспен и Э. Моэ²¹, Дж. Уилсон²²). Только в одной монографии (В. Вивода²³)

¹⁰ Vernon R. Storm over the Multinationals: The Real Issues. – Cambridge, MA and London, England: Harvard University Press, 1977. – 260 p.

¹¹ Wilson E. World Politics and International Energy Markets // International Organization. – 1987. – Vol. 41. – № 1. – P. 125-149.

¹² Bremmer I., Johnston R. The rise and fall of resource nationalism // Survival: Global Politics and Strategy. – 2009. – Vol. 51. № 2. – P. 149-158.

¹³ Wilson J. Understanding resource nationalism: economic dynamics and political institutions // Contemporary Politics. – 2015. – Vol. 21. – № 4. – P. 399-416.

¹⁴ Childs J. Geography and resource nationalism: a critical review and reframing // The Extractive industries and society. 2016. – Vol. 3. – P. 539-546.

¹⁵ Koch N., Perreault T. Resource nationalism // Progress in Human Geography. – 2018. – Vol. 43. – № 4. – P. 611-631.

¹⁶ Arbatli E. Resource nationalism revisited: a new conceptualization in light of changing actors and strategies in the oil industry // Energy Research and Social Science. – 2018. – Vol. 40. – P. 101-108.

¹⁷ Pryke S. Explaining Resource Nationalism // Global Policy. – 2017. – Vol. 8. – P. 474-482.

¹⁸ Wilson J. Resource Powers? Minerals, Energy and the Rise of the BRICs // Third World Quarterly. – 2015. – Vol. 36. – № 2. – P. 223-239.; Wilson J. Northeast Asian resource security strategies and international resource politics in Asia // Asian Studies Review. – 2014. – Vol. 38. – № 1. – P. 15-32.

¹⁹ Young K. Blood of the Earth: Resource Nationalism, Revolution, and Empire in Bolivia. Austin: University of Texas Press, 2017. – 275 p.

²⁰ Monaldi F. The cyclical phenomenon of resource nationalism in Latin America // Oxford Research Encyclopedia of Politics, 31.03.2020. URL: <https://oxfordre.com/politics/display/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-1523> (accessed: 14.07.2023).

²¹ Hansen S., Moe E. Renewable energy expansion or the preservation of national energy sovereignty? Norwegian renewable energy policy meets resource nationalism // Political geography. – 2022. – Vol. 99. – P. 1-11.

²² Wilson J. Resource nationalism or resource liberalism? Explaining Australia's approach to Chinese investment in its minerals sector // Australian Journal of International Affairs. – 2011. – Vol. 65. – № 3. – P. 283-304.

рассмотрен кейс вмешательства Конгресса США в процесс покупки американской нефтяной компании Unocal китайской CNOOC с целью блокирования сделки.

Вторую группу работ составили научные труды, в которых рассматриваются отдельные аспекты политики ресурсного национализма. Большое число исследований посвящено осмыслению причин и последствий национализаций нефтяной промышленности в добывающих странах (Т. Моран²⁴, Дж. Джоффе²⁵, П. Махдави²⁶). Важными в контексте диссертационного исследования стали работы, посвященные «ресурсному проклятию» и политике «рентных государств» (Шмат В.В.²⁷, Ховавко И.Ю. и Шведов К.И.²⁸, М. Росс²⁹, Т. Даннинг³⁰), роли ресурсов во внешней политике государств и международных отношениях (Д. Ергин³¹, М. О'Салливан³²).

В третью группу работ вошли исследования российских и зарубежных ученых, посвященные проблематике энергетической безопасности, так как политика ресурсного национализма стран-экспортеров энергоресурсов зачастую считается западными исследователями одним из политических вызовов безопасности энергоснабжения стран-импортеров. Осмысление концепций энергетической безопасности представлено, например, в работах Кокошина А.А.³³,

²³ Vivoda V. The return of the obsolescing bargain and the decline of big oil: a study of bargaining in contemporary oil industry. VDM Verlag Dr. Müller, 2008. – 316 p.

²⁴ Moran T. New deal or raw deal in raw materials? // Foreign Policy. – 1971. – Vol. 5. – P. 119-134; Moran T. Mining companies, economic nationalism, and third world development in the 1990s // Mineral wealth and economic development. Ed. by: J. Tilton. Resources for the Future, 1992. – P. 19-38.

²⁵ Joffé G., Stevens P., George T., Lux J., Searle C. Expropriation of oil and gas investments: Historical, legal and economic perspectives in a new age of resource nationalism // The Journal of World Energy Law & Business. – 2009. – Vol. 2. – № 1. – P. 3-23.

²⁶ Mahdavi P. Why do leaders nationalize the oil industry? The politics of resource expropriation // Energy Policy. – 2014. – Vol. 75. – P. 228-243.

²⁷ Шмат В.В. Рента и государства-рантье // Идеи и идеалы. – 2014. – Т. 20. – № 2. – С. 68–81; Шмат В.В. Ресурсный национализм: уроки Третьего мира // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 28-39.

²⁸ Ховавко И.Ю., Шведов К.И. «Ресурсное проклятие»: обзор точек зрения // Государственное управление. Электронный вестник. – 2017. – № 64. – С. 56-67.

²⁹ Росс М. Нефтяное проклятие: как богатые запасы углеводородного сырья задают направление развития государств. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 464 с.

³⁰ Dunning T. Crude Democracy. – Cambridge University Press, 2008. – 350 p.

³¹ Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. – М.: Альпина Паблицер, 2013. 944 с.

³² O'Sullivan M. The entanglement of energy, grand strategy, and international security // The handbook of global energy policy. Ed. by A. Goldthau. Wiley-Blackwell, 2013. – P. 30-48.

³³ Кокошин А.А. Международная энергетическая безопасность. – М.: Европа, 2006. – 80 с.

Боровского Ю.В.³⁴, Жизнина С.З.³⁵, Телегиной Е.А.³⁶, Корнеева А.В.³⁷, Б. Совакула³⁸, Г. Луфта и Э. Корина³⁹, Д. Ергина⁴⁰).

Четвертая группа объединяет работы, посвященные энергетической политике Соединенных Штатов Америки. Феномен «сланцевой революции» в США подробно рассмотрен в работах таких российских ученых, как Конопляник А.А.⁴¹, Симония Н.А.⁴², Иванов Н.А.⁴³. В положительном ключе оценивали эффекты роста добычи нефти и газа для национальной безопасности США американские авторы, К. Медлок и А. Джаффе⁴⁴, Э. Розенберг⁴⁵. Развитие топливно-энергетического комплекса (ТЭК) США при администрации президента Б. Обамы стало предметом исследований Корнеева А.В.⁴⁶, Дмитриева С.С.⁴⁷. Перспективам достижения «энергетической независимости» Соединенных Штатов Америки и сохранения ими лидерства в международных отношениях посвящены работы С. Эммерсон и

³⁴ Боровский Ю.В. Энергетическая безопасность как понятие и проблема: учеб. пособие. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – 126 с.; Боровский Ю.В. Проблема энергетической безопасности в отношении России с внешним миром: сотрудничество, конкуренция, соперничество (1991-2021). – М.: МГИМО-Университет, 2018. – 438 с.

³⁵ Zhiznin S.Z., Timohov V.M., Dineva V. Energy Security: Theoretical Interpretations and Quantitative Evaluation // International Journal of Energy Economics and Policy. – 2020. – Vol. 2. – № 10. – P. 390-400.

³⁶ Телегина Е.А. Новое измерение глобальной энергетической безопасности // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 11. – С. 5-16.

³⁷ Корнеев А.В. Международная энергетическая безопасность: внутренние и международные аспекты, теоретические и прикладные вопросы. – М.: ЦМБПП АНХ РФ, 2008. 80 с.

³⁸ The Routledge Handbook of Energy Security. Ed. by B. Sovacool. – NY: Routledge, 2011. – 464 p.; Sovacool B., Brown M., Valentine S. Fact and Fiction in Global Energy Policy: Fifteen Contentious Questions. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2016. – 392 p.

³⁹ Energy Security Challenges for the 21st Century. Ed. by G. Luft, A. Korin. – Santa Barbara: Praeger, 2009. – 372 p.

⁴⁰ Yergin D. Energy security in 1990s // Foreign Affairs. – 1988. – № 1. – P. 110–132.; Yergin D. Ensuring energy security // Foreign Affairs. – 2006. – № 2. – P. 69-82.

⁴¹ Конопляник А.А. Американская сланцевая революция: последствия необратимы // ЭКО – Всероссийский экономический журнал. – 2014. – № 5. – С. 111-126.

⁴² Симония Н.А. «Революция сланцевого газа»: мифы и реальность // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 12. – С. 3-13.

⁴³ Иванов Н.А. Сланцевый газ и национальные интересы США // США и Канада. Экономика, политика, культура. – 2013. – № 7. – С. 67-80.; Иванов Н.А. Сланцевая Америка: энергетическая политика США и освоение нетрадиционных нефтегазовых ресурсов. – М.: Магистр, 2014. – 304 с.

⁴⁴ Medlock K.B., Jaffe A.M., Hartley P.R. Shale gas and U.S. national security. – James A. Baker III Institute for Public Policy. Rice University, 2011. URL: <https://repository.rice.edu/items/4b51de3c-c126-4c9c-bbd0-76b72a3afa41> (accessed: 18.07.2023).

⁴⁵ Rosenberg E. Energy rush. Shale production and U.S. national security // Center for a New American Security (CNAS), 2014. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/energy-rush-shale-production-and-u-s-national-security> (accessed: 18.07.2023).

⁴⁶ Корнеев А.В. Новые тенденции развития топливно-энергетического комплекса США // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2016. – № 3. – С. 35-56.

⁴⁷ Дмитриев С.С. Энергетическая стратегия Б. Обамы: опора на инновации и технологическое лидерство. М.: ИМЭМО РАН, 2014. – 162 с.

А. Виннера⁴⁸, Г. Миллера⁴⁹, Дж. Дойча⁵⁰. Особое звучание тема глобального лидерства США на рынках энергоресурсов приобрела в период деятельности администрации президента Д. Трампа (Боровский Ю.В.⁵¹, Гулиев Ф.Б.⁵², Хлопов О.А.⁵³, П. Долата⁵⁴).

Проведенный историографический анализ показал, что в современной политической науке отсутствуют комплексные исследования, которые рассматривают энергетическую политику государств-членов ОЭСР (в частности США) как сферу деятельности государства, в которой может быть использован ресурсный национализм. Данная диссертация позволяет заполнить существующую лакуну и расширить понимание ресурсного национализма как «нормального» политико-экономического явления, в основе которого лежат национальные интересы государства.

Цель исследования – на примере энергетической политики США обосновать универсальный характер ресурсного национализма как инструмента политики государства, применяемого для решения внутривнутриполитических и внешнеполитических задач.

Задачи исследования:

1. Определить историческую основу и параметры либеральных концепций «ресурсного национализма».

⁴⁸ Emerson S., Winner A. The myth of petroleum independence and foreign policy isolation // The Washington Quarterly. – 2014. – Vol. 37. – № 1. – P. 21-34.

⁴⁹ Miller G. The security costs of energy independence // The Washington Quarterly. – 2010. – Vol. 33. – № 2. – P. 107-119.

⁵⁰ Deutch J., Schlesinger J., Victor D. National security consequences of US oil dependency: Report of an independent task force // Council of Foreign Relations Press, 2006. URL: <https://www.cfr.org/report/national-security-consequences-us-oil-dependency> (accessed: 18.07.2023).

⁵¹ Боровский Ю.В. Международное измерение современной энергетической политики США: вызовы России и миру // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2019. – № 3. – С. 341-353.

⁵² Guliyev F. Trump's "America first" energy policy, contingency and the reconfiguration of the global energy order // Energy Policy. – 2020. – Vol. 140. – P. 1-10.

⁵³ Хлопов О.А. Энергетическая политика администрации Д. Трампа: новые изменения и результаты // Теории и проблемы политических исследований. – 2022. – Т. 11. – № 1. – С. 140-150.

⁵⁴ Dolata P. The end of the energy security paradigm under Obama–Trump and energy security: Revival of an old concept? // Journal of Military and Strategic Studies. – 2017. – Vol. 17. – № 3. – P. 92-106.

2. Выявить аналитические ограничения либеральных концепций «ресурсного национализма» и уточнить содержание понятия «ресурсный национализм», опираясь на положения теории экономического национализма.

3. Охарактеризовать проявления ресурсного национализма в энергетической политике администраций президентов Б. Обамы и Д. Трампа.

4. Оценить политику ресурсного национализма США как инструмент по укреплению глобального лидерства этой страны.

Объект исследования – феномен «ресурсного национализма» как политико-экономическое явление.

Предмет исследования – проявления ресурсного национализма в энергетической политике Соединенных Штатов Америки (в нефтяной и газовой отраслях американского ТЭК).

Хронологические рамки исследования ограничены периодом 2009–2021 гг., охватывающим деятельность администраций президентов Б. Обамы и Д. Трампа, при которых произошла трансформация США из нетто-импортера нефти и природного газа в нетто-экспортера этих товаров.

Научная новизна исследования обусловлена выбранными объектом и предметом исследования, методологическим подходом к их анализу и полученными результатами. Во-первых, данная работа существенно расширяет сферу исследования ресурсного национализма в государствах-членах ОЭСР. Во-вторых, использование Соединенными Штатами Америки инструментов энергетической политики рассмотрено как проявление их ресурсного национализма, что является попыткой, которая ранее не предпринималась ни в американском, ни в российском научном сообществах. В-третьих, в диссертационном исследовании сформулирован новый подход к анализу политики ресурсного национализма с точки зрения ее использования как инструмента защиты национальных интересов государства. В-четвертых, данное диссертационное исследование также позволило выявить широкий набор инструментов ресурсного национализма в энергетической политике

государств-членов ОЭСР, который может включать не только роялти и налоговые механизмы, но и экспортный контроль, субсидии, а также санкции, используемые для приобретения односторонних экономических и политических преимуществ за счет ослабления соперников.

Теоретическая значимость исследования. Анализ энергетической политики США с опорой на теорию экономического национализма позволяет вывести ресурсный национализм за рамки существующих политизированных концепций данного феномена, в основу которых легло обостренное восприятие угроз энергетической безопасности в странах-импортерах нефти и природного газа во второй половине XX века и в первой четверти XXI века. Теоретическое осмысление ресурсного национализма как политики, в основе которой лежит примат национального интереса, позволяет более объективно изучать кейсы использования такой политики различными государствами и ее влияние на международные отношения. Кроме того, исследование ресурсного национализма как политики государства по достижению внутривнутриполитических и внешнеполитических целей расширяет понимание традиционных политических аспектов энергетической безопасности, связанных с государственным суверенитетом, влиянием международной среды и ее участников на надежность национальных энергетических систем.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использовать полученные результаты в деятельности органов государственной власти Российской Федерации и их подразделений, ответственных за формулирование внешнеполитического и внешнеэкономического курса страны, выстраивание равноправных и недискриминационных отношений с партнерами, а также в работе российских энергетических компаний. Материалы и выводы диссертационного исследования применимы в учебном процессе при разработке учебных курсов в рамках подготовки специалистов по направлениям «Международные отношения», «Политология», «Мировая экономика».

Теоретико-методологическая основа исследования. В целях определения содержания и отличительных особенностей существующих концепций «ресурсного национализма» в диссертации применялся метод концептуального анализа. Данный метод позволил выявить ограничения объяснительного потенциала существующих подходов к анализу феномена «ресурсного национализма».

Для уточнения понятия «ресурсный национализм» в качестве теоретической основы исследования были использованы разработки немецких теоретиков экономического национализма, в частности экономиста Ф. Листа⁵⁵, философов И. Фихте⁵⁶ и А. Мюллера⁵⁷. Преимущественная опора на труды ученых XIX века обоснована тем, что современные либеральные исследователи экономического национализма (например, Р. Гилпин⁵⁸) зачастую избирательно подходят к определению его сущности, сводя ее к меркантилистским практикам и оставляя за скобками анализа политико-идеологические, социальные и исторические факторы. Роль этих факторов в энергетической политике США позволил выявить метод дискурс-анализа Т.А. Ван Дейка, так как сходства и различия целей и механизмов ее реализации при различных администрациях президентов США находят отражение в политических текстах – выступлениях официальных лиц данной страны, нормативно-правовых актах.

В диссертационном исследовании были также использованы общенаучные методы познания (описание, сравнение, анализ, синтез, индукция и дедукция), системный подход, сравнительно-исторический метод и метод «кейс-стади». Системный подход используется для анализа энергетической политики США, которая представляет систему взаимосвязанных элементов: политических убеждений президентов США, деятельности их администраций, динамики взаимодействия Демократической и Республиканской партий в Конгрессе США, негосударственных

⁵⁵ Лист Ф. Национальная система политической экономии. – М.: Европа, 2005. – 382 с.

⁵⁶ Hayes C. The historical evolution of modern nationalism. – New York: The Macmillan Company, 1931. – 327 p.

⁵⁷ Roll E. A History of Economic Thought. – London: Faber & Faber, 1992. – 608 p.

⁵⁸ Gilpin R., Gilpin J. The Political Economy of International Relations. – Princeton University Press, 1987. – 467 p.

субъектов (энергетических компаний, групп интересов), политики на уровне штатов, геологических, географических и экономических особенностей природно-ресурсного потенциала Соединенных Штатов Америки, влияния международной среды на развитие ТЭК США. В диссертационном исследовании ресурсный национализм в энергетической политике Соединенных Штатов Америки рассмотрен на примере деятельности демократической администрации Б. Обамы, которая иллюстрирует умеренный ресурсный национализм, и республиканской администрации Д. Трампа, которая проводила политику наступательного ресурсного национализма.

Источниковую базу исследования можно условно разделить на шесть групп. **Первая** включает документы стратегического планирования и нормативно-правовые акты США. К ним относятся Стратегии национальной безопасности США (2010, 2015 и 2017 гг.), исполнительные указы президентов США, а также законы, регулирующие режим эксплуатации природных ресурсов и экспортную политику в отношении углеводородного сырья. **Вторую** группу источников составили выступления президентов США Б. Обамы и Д. Трампа, посвященные вопросам энергетической политики; **третью** – материалы органов государственной власти США: администрации президента; федеральных министерств и независимых агентств федерального правительства США; Конгресса. **Четвертая группа** источников включает статистическую и аналитическую информацию о состоянии различных отраслей ТЭК США, публикуемую Управлением энергетической информации США. В **пятую группу** были включены материалы американских «мозговых центров», в том числе Совета по международным делам (Council on Foreign Relations), Корпорации RAND, Белферовского центра (Belfer Center for Science and International Affairs). **Шестую группу** составили материалы СМИ и профильных консалтинговых агентств (S&P Global, IHS Markit).

Положения, выносимые на защиту:

1. Ресурсный национализм не является производной политических режимов и экономических циклов. Как политический инструмент он нацелен на извлечение

максимальной выгоды государством от эксплуатации собственных природных ресурсов в целях повышения конкурентоспособности национальной экономики на международных рынках и усиления своей совокупной мощи.

2. Инструменты ресурсного национализма многообразны и могут включать в себя как протекционистские тарифы, так и меры экономического либерализма, как национализации, так и санкционные режимы. При этом перечень инструментов является открытым, так как изменчива ситуация (внутриполитическая и международная), в которой принимаются государственные решения.

3. Современный ресурсный национализм в энергетической политике Соединенных Штатов Америки имеет глубокие исторические корни. Ограничение администрациями президентов США экспорта нефти и газа и консервация этих ресурсов по-прежнему основаны на американском законодательстве XX века, в котором закреплён императив национального интереса при принятии государственных решений в отношении эксплуатации топливно-энергетических ресурсов США.

4. Несмотря на партийные различия, и демократическая администрация президента Б. Обамы, и республиканская администрация президента Д. Трампа использовали политику ресурсного национализма. В энергетической политике эти администрации руководствовались целью максимально эффективного использования энергетического потенциала США для достижения национальных целей развития и укрепления лидерства своей страны в мировой политике. Различия подходов президентских администраций к энергетической политике заключались только в наборе привлекаемых инструментов ресурсного национализма.

5. Ресурсный национализм, в том числе в государствах-членах ОЭСР, может быть наступательным, при котором лидеры этих государств не допускают согласования национальных интересов с интересами международного сообщества. Проявлением такого вида ресурсного национализма стала политика «энергетического доминирования» США в период президентства Д. Трампа. Она предусматривала

активное продвижение американского экспорта нефти и природного газа на международных рынках и была нацелена на устранение конкурентов посредством шантажа импортеров и односторонних экономических санкций в отношении других экспортеров.

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности.

Диссертация соответствует следующим направлениям исследований, указанным в паспорте научной специальности 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования:

1. Теория и методология, методы анализа, развитие понятийного аппарата исследования международных отношений и мировой политики. Западные и незападные исследовательские традиции. Международно-политический анализ.

2. Субъекты международных отношений. Деятельность государственных и негосударственных акторов. Формальные и неформальные институты в международных отношениях и в мировой политике. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин.

3. Мировая политика. Субъекты мировой политики. Современный мировой политический процесс. Глобальная система и региональные подсистемы международных отношений и мировой политики.

4. Ценности и интересы в международных отношениях и в мировой политике. Международные отношения как пространство реализации и отстаивания ценностей и интересов различных субъектов.

7. Международная безопасность. Системы глобальной и региональной безопасности. Военная сила в международных отношениях. Международный терроризм и борьба с ним. Разоружение и контроль над вооружениями. Вызовы, риски, опасности и угрозы.

8. Международные кризисы и конфликты. Этнический и религиозный факторы в международных отношениях. Миротворческая деятельность.

9. Геополитические факторы и процессы.

12. Внешняя политика и дипломатия.

13. Международная политическая экономия.

Достоверность полученных результатов исследования обеспечена обоснованной теоретико-методологической базой исследования, использованием соответствующих объекту, предмету, цели и задачам исследования научных методов, опорой на обширный перечень верифицируемых источников исследования.

Апробация результатов исследования. Основные идеи и положения диссертации изложены в 5 научных публикациях автора общим объемом 9,8 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, шести параграфов, заключения, библиографии, включающей 377 наименований.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень научной разработанности темы исследования, формулируются цель и задачи исследования, определяются объект и предмет исследования, задаются хронологические рамки исследования, обосновываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, излагаются теоретико-методологическая основа и источниковая база исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, указываются сведения о соответствии содержания диссертации паспорту научной специальности, обосновывается достоверность полученных результатов исследования, представляются апробация результатов исследования и структура исследования.

В **первой главе «Теоретические подходы к осмыслению ресурсного национализма как экономического и политического явления»** рассматривается история проявлений ресурсного национализма в XX и первой четверти XXI века и их связь с национальной и энергетической безопасностью как стран-импортеров нефти и природного газа, так и стран-экспортеров. Определяются ключевые положения либеральных концепций «ресурсного национализма» о зависимости данной политики от рыночных циклов и степени зрелости проектов разработки месторождений, от типов политических режимов и мотивации правящих элит, отмечается корреляция этих концепций с особенностями восприятия политическим руководством государств-членов ОЭСР энергетической политики нефтедобывающих и газодобывающих государств как риска их благосостоянию. Выявляются аналитические ограничения данных концепций для дальнейшего исследования ресурсного национализма. Уточняется трактовка понятия «ресурсный национализм» на основе разработок теоретиков экономического национализма (Ф. Листа, И. Фихте, А. Мюллера).

В параграфе **1.1 «Экономические концепции и закономерности ресурсного национализма»** приводятся кейсы ресурсного национализма в XX веке,

которые заложили основу понимания данного феномена как противоречащего принципам экономического либерализма. В основе проявлений ресурсного национализма, как правило, лежит ужесточение условий деятельности иностранных компаний по разработке месторождений полезных ископаемых и коррекция размера ресурсной ренты в пользу государства, осуществляющего суверенный контроль над своими недрами⁵⁹. Вместе с тем в параграфе подчеркнута, что при принятии подобных мер страны, обладающие значительными запасами ресурсов, руководствовались не только экономическими, но политическими соображениями⁶⁰.

Аргументируется, что 1970-е гг. имеют критическое значение с точки зрения исследований ресурсного национализма как вызова экономическому либерализму. Особенности энергетической политики стран-экспортеров нефти (Венесуэла, Саудовская Аравия, Ливия) в указанный период обусловили трактовку проявлений ресурсного национализма преимущественно в бинарных категориях «иностраный» / «национальный» и «частный» / «государственный», которая упрощает их понимание, оставляя за скобками анализа широкий круг политических, идеологических и социальных факторов. Кроме того, кейсы национализаций нефтяной промышленности в 1970-е гг. дали основание западным исследователям считать, что политику ресурсного национализма склонны проводить страны с авторитарными режимами. Такие страны в силу отсутствия развитых демократических институтов не способны эффективно управлять своими ресурсами и становятся заложниками «ресурсного проклятия»⁶¹. В свою очередь, в экономически развитых западных либерально-демократических странах (например, США и Великобритания) ресурсный национализм принимает «мягкие» формы и не считается западными исследователями экономическим вмешательством.

⁵⁹ Vivoda V. Resource Nationalism, Bargaining and International Oil Companies: Challenges and Change in the New Millennium // *New Political Economy*. – 2009. – Vol. 14. – № 4. – P. 518-520.

⁶⁰ Garavani G. The rise and fall of OPEC in the twentieth century. – Oxford University Press, 2019. – P. 109-110.

⁶¹ Moran T. New deal or raw deal in raw materials? // *Foreign Policy*. – 1971. – Vol. 5. – P. 119-134.

В параграфе 1.2 «Политические концепции и детерминанты ресурсного национализма» рассматриваются трактовки «ресурсного национализма» как политического явления. Стимулом к их появлению стало «возрождение» ресурсного национализма в начале XXI века, связанное с приходом к власти в нефтедобывающих странах (например, Россия, Венесуэла, Казахстан, Боливия) авторитарных, с точки зрения некоторых западных политологов⁶², лидеров. Сугубо экономические концепции «ресурсного национализма» были признаны неспособными объяснить комплексный характер такой политики и последствий ее проведения странами для мировой экономики и международных отношений. Понимание ресурсного национализма было расширено благодаря исследованиям, посвященным осмыслению политических факторов (типы политических режимов⁶³, политическая мотивация лидеров государств⁶⁴) ресурсного национализма.

Очевидным недостатком вышеупомянутых исследований стало деление ресурсного национализма на приемлемые (присущие странам-членам ОЭСР) и неприемлемые (характерные для авторитарных режимов с развивающимися экономиками) формы. Отмечается, что в середине 2010-х – начале 2020-х гг. некоторые ученые стали подвергать критике неолиберальное понимание ресурсного национализма как угрозы энергетической безопасности стран-импортеров ресурсов⁶⁵, подчеркивать необходимость исторической контекстуализации политики ресурсного национализма⁶⁶, учета факторов национальной идентичности и социальной справедливости.

Опираясь на разработки теоретиков экономического национализма XIX века, в которых подчеркивается непреложное значение национального, а не коммерческого интереса в развитии производительных сил государства, в диссертации уточняется

⁶² Wilson J.D. Understanding resource nationalism: economic dynamics and political institutions // Contemporary Politics. – 2015. – Vol. 21. – № 4. – P. 403-405.

⁶³ Ibid. – P. 399-416.

⁶⁴ Bremmer. Op. cit.

⁶⁵ Childs. Op. cit.

⁶⁶ Ostrowski W. The twilight of resource nationalism: From cyclicity to singularity? // Resources policy. – 2023. – Vol. 83. – P. 2-3.

подход к анализу ресурсного национализма. С точки зрения немецкого экономиста Ф. Листа, главными национальными интересами любой страны являются приумножение материального богатства и политического могущества⁶⁷.

Отталкиваясь от такого понимания экономического национализма, следует рассматривать ресурсный национализм следующим образом. Во-первых, ресурсный национализм – политика, направленная на максимально эффективное использование природных ресурсов в национальных интересах государства. Во-вторых, ресурсный национализм присущ как странам-экспортерам, так и странам-импортерам. В-третьих, инструменты политики ресурсного национализма определяются производственными возможностями государства, которое принимает решение, исходя из конкретных исторических, политических, экономических, социокультурных условий. В-четвертых, ресурсный национализм может быть умеренным и наступательным в зависимости от целей, преследуемых правящими элитами государства. Умеренный ресурсный национализм чаще всего проявляется в странах с развивающейся экономикой с «зарождающимися отраслями промышленности» или государствах с развитой экономикой со стагнирующей промышленностью. Правительства таких стран прибегают к протекционистским мерам для защиты своего производственного сектора. Наступательный ресурсный национализм принимает форму экономической борьбы, например, торговых войн. Правящие элиты государств могут как соотносить национальные интересы с интересами международного сообщества (при умеренном ресурсном национализме), так и реализовывать их за счет других участников системы международных отношений (при наступательном ресурсном национализме).

Во второй главе «Умеренный ресурсный национализм в энергетической политике администрации Б. Обамы» определены ключевые приоритеты энергетической политики демократической администрации в 2009-2017 гг., проанализировано содержание ключевых инициатив по развитию ТЭК США,

⁶⁷ Лист Ф. Национальная система политической экономии. – М.: Европа, 2005. – С. 128-132.

выявлена историческая преемственность практик государственного вмешательства в управление ТЭК страны при президенте Б. Обаме и их роль в обеспечении мирового лидерства США в новых высокотехнологичных отраслях.

В параграфе 2.1 «Проблема достижения «энергетической независимости» США в 2009–2017 гг.» аргументируется, что комплекс мер по достижению «энергетической независимости» США можно рассматривать как особую форму ресурсного национализма, характерную для этой страны. Определено политическое и экономическое значение «энергетической независимости» для энергетической безопасности США. Стремление к «энергетической независимости» обосновано «идеологией дефицита нефти»⁶⁸, ставшей частью стратегической культуры Соединенных Штатов Америки в результате нефтяных кризисов 1970-х годов. «Энергетическая независимость» предполагает достижение такого уровня энергетической самодостаточности, который снижает уязвимость США к шоковым явлениям на международных рынках энергоресурсов⁶⁹. К таким явлениям относятся в том числе политическая нестабильность в странах-поставщиках углеводородов⁷⁰ и политически мотивированное использование ресурсов неблагонадежными экспортерами (ценовые манипуляции, приостановка поставок), к которым американское руководство причисляет государства-члены Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК) и Россию.

Достижение «энергетической независимости» США при администрации Б. Обамы посредством диверсификации энергобаланса за счет возобновляемых источников энергии (ВИЭ) должно было позволить США стать лидером на рынке технологий возобновляемой энергетики⁷¹. Именно при Б. Обаме были совершены крупнейшие государственные инвестиции в программы развития «чистых»

⁶⁸ Stern R. Oil scarcity ideology in US foreign policy, 1908-97 // Security Studies. – 2016. – Vol. 25. – P. 214-257.

⁶⁹ Бирюкова Н.А. От «независимости» к «доминированию»: сравнительный анализ энергетической политики администраций Б. Обамы и Д. Трампа // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2017. – № 4. – С. 144-176.

⁷⁰ Reliability of Foreign Energy Sources // American Security Project. URL: <https://www.americansecurityproject.org/climate-energy-and-security/energy/todays-supply/reliability/> (accessed: 30.09.2023).

⁷¹ Remarks at Georgetown University // The American Presidency Project, 30.03.2011. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-georgetown-university-3> (accessed: 27.09.2023).

энергоресурсов, предусматривающие масштабирование ветровой и солнечной энергетики, модернизацию электросетей, разработку гибридных и электрических автомобилей. Администрация президента Б. Обамы также подписала Парижское соглашение по климату в 2015 году. Это в том числе позволяло продвигать интересы США по стимулированию развития «чистой» энергетики на международных переговорных площадках.

Кроме того, на годы президентства Б. Обамы пришлась американская «сланцевая революция» в добыче нефти и газа, приблизившая достижение «энергетической независимости» США. В работе рассмотрены ключевые последствия данного технологического прорыва для американской экономики и позиционирования США в мире. «Энергетическая независимость» в интерпретации Б. Обамы не предполагала полной автаркии в энергетической сфере. Демократическая администрация в полной мере осознавала факт интегрированности Соединенных Штатов Америки в систему международной нефтяной торговли⁷²: стратегическая зависимость страны от импорта нефти, несмотря на сокращение его объемов благодаря «сланцевой революции», и в целом от безопасности мировых энергопотоков, сохраняющаяся вплоть до 2040 года⁷³.

Параграф 2.2 «Ограничения добычи и экспорта углеводородов в энергетической политике администрации Б. Обамы» посвящен таким проявлениям ресурсного национализма в энергетической политике Б. Обамы, как консервация нефтегазовых ресурсов на федеральных землях и внешнем континентальном шельфе, противодействие администрации президента решению Конгресса США об отмене ограничений на экспорт нефти в конце 2015 года, сохранение жесткого режима лицензирования проектов по экспорту сжиженного природного газа (СПГ). Отмечается, что администрация президента Б. Обамы при

⁷² National Security Strategy 2015 // National Archives. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (accessed: 18.07.2023).

⁷³ International energy outlook 2013 // U.S. Energy Information Administration. URL: [https://www.eia.gov/outlooks/ieo/pdf/0484\(2013\).pdf](https://www.eia.gov/outlooks/ieo/pdf/0484(2013).pdf) (accessed: 18.07.2023).

принятии указанных решений руководствовалась законами, принятыми в Соединенных Штатах Америки в 1930-1970-х гг. (например, «О природном газе» 1938 года, «Об энергетической политике и энергосбережении» 1975 года). В них закреплён примат национальных интересов и национальной безопасности при принятии государственных решений в энергетической сфере.

Так, Б. Обама аргументировал свою позицию по вопросам добычи и экспорта нефти и природного газа защитой экономических и экологических интересов американских потребителей топлива. Например, администрация президента не была заинтересована в упрощении процедуры выдачи лицензий на экспорт СПГ, в том числе по причине необходимости укрепления конкурентоспособности газохимической промышленности США на мировых рынках⁷⁴. Кроме того, президент Б. Обама был заинтересован в позиционировании США как ответственного лидера международной климатической политики, поэтому делал ставку на развитие «чистых» энергетических ресурсов, а не на продвижение американских углеводородов на международных рынках⁷⁵.

Таким образом, ресурсный национализм в энергетической политике администрации Б. Обамы, с одной стороны, был нацелен на индустриальное возрождение США, с другой, позволил укрепить лидерские позиции Соединенных Штатов Америки в сфере возобновляемой энергетики. В то время как в 2008 году лишь 9 % электричества в США вырабатывались из ВИЭ, в 2016 году их доля составила около 15 %⁷⁶, при этом доля ветряных турбин американского

⁷⁴ Kim H. Are LNG Exports in the Public Interest? // Environmental Claims Journal. – 2013. – Vol. 25. – № 2. – P. 155.

⁷⁵ Strait J., Pederson S., Feldman C. Obama administration imposes five-year drilling ban on majority of offshore areas // House Committee on Natural Resources, 08.11.2011. URL: <https://naturalresources.house.gov/news/documentsingle.aspx?DocumentID=267985> (accessed: 29.09.2023); Statement of Administration Policy: H.R. 702 – To adapt to changing crude oil market conditions // The American Presidency Project, 07.10.2015. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/statement-administration-policy-hr-702-adapt-changing-crude-oil-market-conditions> (accessed: 03.10.2023).

⁷⁶ What is U.S. electricity generation by energy source? // U.S. Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/tools/faqs/faq.php?id=427&t=3> (accessed: 27.09.2023).

производства, используемых в стране, к концу второго срока администрации президента Б. Обамы достигла 72 % (в 2007 году – 25 %) ⁷⁷.

В третьей главе **«Наступательный ресурсный национализм в энергетической политике администрации Д. Трампа»** предметом анализа стала политика «энергетического доминирования» США, продвигаемая республиканской администрацией, концептуальные основы такой политики и практические отличия от курса на достижение «энергетической независимости» Соединенных Штатов Америки администрации президента Б. Обамы. Среди ключевых инструментов политики ресурсного национализма администрации Д. Трампа отмечены «газовая дипломатия» в отношении стран-импортеров природного газа и санкционная политика, нацеленная на устранение соперников на рынках углеводородов.

В параграфе 3.1 **«Концептуальные основы и практические особенности политики «энергетического доминирования»»** приводятся аргументы избирательного штаба Д. Трампа в защиту экономического национализма, которые использовались для мобилизации избирателей в рамках предвыборной кампании 2016 года. Так, утверждалось, что утраченное вследствие глобализации экономическое преимущество Соединенных Штатов Америки следует вернуть посредством защиты национальных производителей от иностранной конкуренции и их поддержки государством на внешнем рынке ⁷⁸.

В энергетической сфере экономической национализм президента Д. Трампа воплотился в политике «энергетического доминирования». В отличие от «энергетической независимости», «энергетическое доминирование» предполагало не только энергетическую самодостаточность США, но и расширение экспорта

⁷⁷ The fact sheet: The Recovery Act made the largest single investment in clean energy in history, driving the deployment of clean energy, promoting energy efficiency and supporting manufacturing // National Archives, 25.02.2016. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/02/25/fact-sheet-recovery-act-made-largest-single-investment-clean-energy> (accessed: 27.09.2023).

⁷⁸ Cozzolino A. Trumpism as nationalist neoliberalism. A critical enquiry into Donald Trump's political economy // Interdisciplinary Political Studies. – 2018. – Vol. 1. – № 4. – P. 53-55.

энергоресурсов для укрепления глобального американского лидерства⁷⁹. По мнению президента Д. Трампа, одним из главных препятствий на пути достижения доминирования американских энергоресурсов на международных рынках было чрезмерное государственное регулирование ТЭК. Таким образом, внутренняя энергетическая политика республиканской администрации была нацелена на пересмотр энергетической политики Б. Обамы (например, отмена плана «Чистая энергия» 2015 года, снятие моратория на выдачу новых лицензий для глубоководного бурения).

Автор уделяет большое внимание «газовой дипломатии» Д. Трампа в рамках встреч на высшем уровне (в КНР, Индии, Республике Корея, Японии, странах ЕС), ставшей инструментом энергетической политики республиканской администрации. Президент США Д. Трамп публично поддерживал американских экспортеров природного газа и нефти, убеждал зарубежных партнеров в преимуществах интенсификации энергетического взаимодействия с Соединенными Штатами Америки. В этих целях президент Д. Трамп задействовал в том числе угрозы развязать торговые войны из-за дисбаланса в двусторонней торговле⁸⁰. В полной мере эти угрозы воплотились в торговой войне США с КНР (2018–2020 гг.). По ее итогам в начале 2020 года страны заключили соглашение, предполагавшее увеличение Китаем закупок американских углеводородов в течение двух лет⁸¹. В отношениях с европейскими партнерами (например, Польша, Хорватия) в целях продвижения на их рынки американского СПГ (в том числе посредством поддержки Соединенными Штатами Америки строительства регазификационных терминалов) Д. Трамп сделал ставку на политический раскол внутри ЕС по вопросу импорта

⁷⁹ President Trump vows to usher in new golden era of American energy dominance // National Archives, 30.06.2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/articles/president-trump-vows-usher-golden-era-american-energy-dominance/> (accessed: 19.10.2023).

⁸⁰ Japan ship takes 'first of many' U.S. gas loads in nod to Trump // Bloomberg, 25.04.2018. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-04-25/japan-ship-takes-first-of-many-u-s-gas-loads-in-nod-to-trump> (accessed: 22.10.2023).

⁸¹ What's in the U.S.-China phase 1 trade deal // Reuters, 15.01.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-china-details-factbox/whats-in-the-us-china-phase-1-trade-deal-idUSKBN1ZE2IF> (accessed: 20.10.2023).

российских энергоресурсов⁸². Таким образом, посредством политики ресурсного национализма были заложены основы не только для расширения рыночной ниши для американских экспортеров в Европе, но и для разрушения хозяйственных связей между Россией и ЕС, усугубления политического конфликта между ними и усиления экономической зависимости стран Европы от США.

В параграфе 3.2 «Силовая дипломатия в отношении экспортеров углеводородов как пример ресурсного национализма США» рассмотрена санкционная политика администрации Д. Трампа в отношении энергетических комплексов Ирана, Венесуэлы и России.

Автор отмечает, что во всех случаях в целях мобилизации международной поддержки рестрикционных режимов администрация президента Д. Трампа задействовала аргумент о том, что США благодаря «сланцевой революции» вновь стали стабилизирующим производителем нефти и природного газа на международных рынках⁸³. США обладали способностью увеличивать добычу нефти в относительно короткие сроки при рисках ее сокращения в других регионах мира до 1972 года, что обеспечивало стране определенную защищенность от кризисных явлений в международной нефтяной торговле. С 2019 года Соединенные Штаты Америки вернули себе утраченное преимущество и наравне со странами ОПЕК стали производителем нефти и газа, способным стабилизировать соответствующие рынки. Отмечено, что внешняя энергетическая политика президента Д. Трампа, направленная на обеспечение баланса спроса и предложения на мировом нефтяном рынке во время ценовой войны Саудовской Аравии и России⁸⁴ весной 2020 года, была обусловлена превращением США в крупнейшего производителя и экспортера углеводородов. С одной стороны, Соединенные Штаты Америки по-прежнему

⁸² Trump pitches US natural gas to European leaders, suggests Russian gas holds them hostage // CNBC, 06.07.2017. URL: <https://www.cnn.com/2017/07/06/trump-natural-gas-europe-leaders.html> (accessed: 23.10.2023).

⁸³ President Donald J. Trump is reimposing all sanctions lifted under the unacceptable Iran deal // National Archives, 02.11.2018. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-reimposing-sanctions-lifted-unacceptable-iran-deal/> (accessed: 16.11.2023).

⁸⁴ US puts pressure on Saudi Arabia to end oil price war // Financial Times, 25.03.2020. URL: <https://www.ft.com/content/47c212ee-0212-4cd8-9c30-73391498d346> (accessed: 12.11.2023).

заинтересованы в достаточно низких ценах на нефть и газ для поддержки американской промышленности, а с другой стороны – в достаточно высоких для поддержки американских экспортеров⁸⁵.

Рост объемов добычи углеводородов в США и их экспорта стимулировал администрацию президента Д. Трампа применить экономические санкции в отношении ТЭК политических противников (Иран, Венесуэла, Россия), которые позиционировались как угроза безопасности в соответствующих регионах. При этом ставилась не только политическая задача по коррекции внешнеполитического курса указанных стран, но и экономическая – вытеснить конкурентов с рынков энергоресурсов, освободив место для американского углеводородного экспорта. Автор отмечает неуспешность реализации первой задачи и успешность решения второй⁸⁶. В работе подчеркнуто, что использование механизма экстерриториальных санкций против политических противников и экономических конкурентов США отличает ресурсный национализм администрации Д. Трампа от энергетической политики Б. Обамы. Делается вывод, что наступательный ресурсный национализм республиканской администрации был нацелен на превращение Соединенных Штатов Америки в энергетическую супердержаву⁸⁷ и усиление гегемонии страны в мировой политике.

В заключении сформулированы основные выводы по результатам диссертационного исследования.

Понимание ресурсного национализма как вызова экономическому либерализму, доминирующее в современных научных исследованиях, сформировалось в результате национализаций нефтяной промышленности странами-

⁸⁵ Trump forced by oil war into unthinkable push for higher prices // Bloomberg, 08.04.2020. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-08/trump-forced-by-oil-war-into-unthinkable-push-for-higher-prices> (accessed: 12.11.2023).

⁸⁶ With Iran squeezed out, US oil takes on new rivals in Europe // Reuters, 11.02.2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-oil-europe-usa-analysis/with-iran-squeezed-out-u-s-oil-takes-on-new-rivals-in-europe-idUSKCN1Q019W/> (accessed: 20.11.2023).

⁸⁷ Guliyev F. Trump's "America first" energy policy, contingency and the reconfiguration of the global energy order // Energy Policy. – 2020. – Vol. 140. – P. 1-10.

экспортерами на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Латинской Америке в 1970-х годах.

В диссертации обосновано, что наиболее широкие рамки для понимания многообразия форм ресурсного национализма во времени и в пространстве предлагает теория экономического национализма. В основе этой теории лежит тезис о том, что экономическая и торговая политика государства, направленная на защиту собственной промышленности, служит интересам нации, главным из которых является приумножение материального богатства и политического могущества. Такой подход позволяет анализировать ресурсный национализм в энергетической политике государств с точки зрения их национальных интересов вне зависимости от типа политического режима.

Так, ресурсный национализм в энергетической политике администрации президента Б. Обамы проявился в мерах, нацеленных на достижение «энергетической независимости» США – такого уровня самодостаточности, при котором американская экономика защищена от внешних шоков, и который способствует росту конкурентоспособности американской промышленности. Кроме того, «энергетическая независимость» также обеспечивает большую политическую маневренность Соединенных Штатов Америки в международных отношениях. Политика ресурсного национализма при президенте Б. Обаме была реализована с помощью широкого набора инструментов, которые включали ограничения на разработку нефтегазовых ресурсов на федеральных землях и внешнем континентальном шельфе, сохранение жесткой системы лицензирования экспорта СПГ, меры государственной поддержки проектов по развитию «чистой» энергии. Вместе с тем решения администрации Б. Обамы касательно вопросов развития ТЭК США опирались на национальное законодательство XX века, регламентирующее использование полезных ископаемых, а также экспорт нефти и природного газа, что свидетельствует о преемственности практик ресурсного национализма в энергетической политике страны.

Доминирование перечисленных выше инструментов в энергетической политике Б. Обамы было продиктовано не только соображениями энергетической безопасности, но и стремлением администрации президента, с одной стороны, превратить США в ответственного лидера международной климатической политики, с другой – обеспечить американское лидерство в высокотехнологичных отраслях (возобновляемая энергетика, производство электротранспорта).

При этом меры по достижению «энергетической независимости», принятые администрацией Б. Обамы, могут быть охарактеризованы как проявление умеренного ресурсного национализма, при котором национальные интересы США соотносились с интересами международного сообщества. Демократическая администрация, во-первых, осознавала зависимость ТЭК США от конъюнктуры мирового рынка нефти и ответственность страны за поддержание его в стабильном состоянии, во-вторых, принимала активное участие в разработке международных соглашений, направленных на более ответственное использование энергоресурсов (Парижское соглашение по климату 2015 года).

При администрации президента Д. Трампа ресурсный национализм воплотился в политике «энергетического доминирования» США. Д. Трамп считал, что либерализм демократов и участие Соединенных Штатов Америки в институтах глобального управления привели к уменьшению конкурентоспособности американской экономики, а энергетическая политика администрации Б. Обамы, нацеленная на стимулирование развития преимущественно ВИЭ, замедлила развитие нефтяной и газовой отраслей ТЭК. Политика «энергетического доминирования» стала инструментом наращивания американского экспорта нефти и природного газа. Именно президент Д. Трамп превратил экспорт углеводородов в инструмент укрепления политического лидерства США в мире.

К инструментам ресурсного национализма в энергетической политике администрации Д. Трампа можно отнести меры, направленные на либерализацию ТЭК США, продвижение экспорта американского СПГ в рамках встреч на высшем

уровне с лидерами стран-импортеров углеводородов (Индия, КНР, Япония, государства ЕС), а также экономические санкции против стран-экспортеров (Иран, Венесуэла, Россия), позволившие расширить присутствие американских экспортеров на мировых рынках топливно-энергетического сырья.

В целом политику ресурсного национализма администрации президента Д. Трампа можно охарактеризовать как наступательную. Она представляет классический пример экономического национализма как игры с нулевой суммой. Особенностью энергетической политики Д. Трампа стало то, что в стремлении повысить конкурентоспособность американской промышленности он не проводил разницы между партнерами и противниками США, используя инструменты политического давления в отношении и тех, и других. Целью республиканской администрации было превращение США в энергетическую сверхдержаву и вытеснение конкурентов американских экспортеров нефти и газа с международных рынков. Такое целеполагание допускало лишь частичное согласование национальных интересов Соединенных Штатов Америки с интересами других государств, причем только в тех обстоятельствах, когда это было выгодно самим США.

Проведенный анализ энергетической политики США на примере администраций президентов Б. Обамы и Д. Трампа, которые придерживались полярных позиций в отношении приоритетов развития американского ТЭК, позволяет утверждать, что ресурсный национализм не является функцией политических убеждений правящих элит и степени развитости экономики государства. Любое правительство, заинтересованное в повышении конкурентоспособности экономики и политического веса своей страны в международных отношениях, руководствуется прежде всего национальными интересами. На примере энергетической политики администраций президентов Б. Обамы и Д. Трампа можно увидеть многообразие факторов, которые формируют политику ресурсного национализма: электоральные циклы, цены на ресурсы, состояние промышленности, национальная идентичность, восприятие лидерами

государств проблем национальной энергетической безопасности, морально-нравственные установки политических элит. Национальные интересы и их интерпретация лидерами стран в конкретных историко-политических условиях будут определять инструменты политики ресурсного национализма, используемые для приумножения материального благосостояния нации и политического могущества государства.

III. СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные идеи и положения работы изложены в 5 научных работах автора общим объемом 9,8 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук:

***Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях,
рекомендованных для защиты в диссертационном совете
МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук:***

1. Бирюкова Н.А. Сланцевая революция и национальная безопасность США: политико-экономический анализ // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2015. – Т 7. № 4.– С. 152-181 (2 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,654.

2. Бирюкова Н.А. Снятие ограничений на экспорт американской нефти: содержание полемики и формула компромисса // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2016. – Т. 8. № 3. – С. 166-199 (2,3 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,654.

3. Бирюкова Н.А. Экспорт сжиженного природного газа как инструмент расширения влияния США в АТР // Проблемы Дальнего Востока. – 2017. – № 6. – С. 49-59 (1 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,48.

4. Бирюкова Н.А. От «независимости» к «доминированию»: сравнительный анализ энергетической политики администраций Б. Обамы и Д. Трампа // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2017. – Т. 9. № 4. – С. 144-176 (2,2 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,654.

5. Бирюкова Н.А. США и энергетический переход XXI века: меры по преодолению зависимости от КНР в сфере критических минералов // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2022. – Т. 14. № 2. – С. 109-147 (2,3 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,654.